

of phonics methodology implementation have been designated. Key formation approaches of sound repetition text analysis have been analyzed. Application of related disciplines methods for profound study of phonics as a separate branch of literary criticism have been made topical. It has been shown that the introduction of precise methods to literary criticism analysis of poetic text sound organization by means of modern technologies increases the investigation objectivity of author's individual style.

Key words: phonics, formal method, empirical investigation, structural analysis, structural-semiotic methodology, mathematically-statistical method.

Стаття надійшла до редколегії
14.10.2015 р.

УДК 821.161.1-311.6

Евгений Никольский

Роман-эпопея Дмитрия Балашова «Святая Русь»: девальвация художественности под влиянием идеологии

Роман Дмитрия Балашова «Святая Русь» анализируется в контексте биографии писателя, с точки зрения господства идеологической (почвиническо-шовинистической и евразийской) составляющей, ее явном превалировании над художественностью. Отмечается, что автор прошёл путь от «певца свободы» до «адепта» авторитарного строя. Данная интенция трансформировала поэтику его романов и способствовала переходу от собственно исторической прозы к неудачной попытке создать эпопею. Делаются выводы о перспективе изучения исторических произведений избранного автора сквозь методологическую призму междисциплинарного синтеза.

Ключевые слова: роман-эпопея, историческая проза, роман, жанроведение, Д. Балашов, мифологема «святой Руси», факты и вымыслы, имагология, шовинизм, почвенничество, рашизм, художественность.

Постановка научной проблемы и ее значение. Традиционно при анализе исторической прозы встают вопросы о соотношении фактов и вымысла в конкретном произведении, о причинах значительного или минимального искажения автором исторического материала, формах репрезентации истории в литературе и т. д. Не бесполезно определить и роль публицистических «вставок» и отступлений. Одним из последующих путей интерпретации художественного произведения может стать выявление гражданско-политической и историсофской позиций писателя и анализ «совмещения» в отдельно взятом тексте собственно художественной составляющей с идеологическими аспектами как на уровне жанра, композиции, так и проблематики и т. д. В таком случае строго научный подход может сосуществовать с эссеистическим, критическим. Ведь любая субъективность содержит в себе и некоторую долю объективности.

Цель статьи. Данные проблемы актуальны для современного литературоведения, развивающегося в методологии междисциплинарного синтеза. Каждый исторический роман несет в себе определенные индивидуальные черты. Это обусловлено и своеобразием творческого метода автора, и изменениями, принесенными соответствующей эпохой, давлением той или иной мировоззренческой парадигмы, а также спецификой этических, этнических, религиозных и иных аспектов. На примере итогового, культового и программного романа-эпопеи «Святая Русь» Дмитрия Михайловича Балашова (1927–2000), безуспешно претендующего на пророческую и учительскую харизмы, мы рассмотрим то, как под влиянием заранее заданной идеократической схемы губится художественность, как искажаются трактовки исторических личностей и судеб народов, как идеологический дискурс деформирует имагологические аспекты произведения.

Изложение основного материала и обоснование полученных результатов исследования. Как известно, «роман – единственный становящийся и еще неготовый жанр... Роман пародирует другие жанры, разоблачает условность их форм и языка, вытесняет одни жанры, другие вводит в свою

собственную конструкцию, переосмысливая и переакцентируя их... Он более глубоко, существенно, чутко и быстро отражает становление самой действительности» [1, с. 449].

Выраженные многими исследователями обобщения относительно природы романа заключаются в следующем: «...роман как жанр ассоциируется с интересом к личности и ее самосознанию, которое отличается от такового большинства членов окружающего социума и потому таит в себе внутренне скрытые или внешне заметные конфликтные начала, если сопоставлять его с настроениями общества в целом. Естественно, речь идет о базовых, семантически значимых признаках жанра как содержательной формы, которые по-разному проявляются в конкретных романах» [2, с. 11]. В случае с историческим романом это переносится в прошлые эпохи, но нередко восприятие прошлого сознательно или не специально «осовременивается». Если это происходит, то наблюдается модификация художественной, включая и жанровую составляющую, структуры.

Если в романе отображается индивидуальное сознание, то в эпопею – коллективное. Отчасти поэтому роман-эпопея как гибридный жанр не получил широкого распространения в мировой литературе. Романом он называется потому, что там осуществляется воля личности, наличествует персонаж, который олицетворяет собой вершину человеческого духа, потому что в нем присутствует романная ситуация, то есть «взаимоотношения личности, микросреды и среды, где личностью является герой, обладающий более или менее значимым внутренним миром; микросредой – совокупность двух-трех таких героев, которые являются носителями определенных духовных ценностей и стремятся к обмену мыслями, идеями, настроениями; средой же – все остальные персонажи, с которыми соприкасаются герои романного типа и которые нередко противопоставлены или просто чужды им» [2, с. 21]. Только среда тут представлена чрезмерно широко. Ведь эпопея – это разновидность эпоса, в котором прямо выражены коллективные, национально-исторические и государственные идеи времени. Здесь присутствует «равенство» сил, воздействующих на происходящий процесс. Разные жанровые прочтения того или иного произведения обусловлены противоречивым характером, воплощенной в них жизненной ситуации, акцентировка отдельных ее граней и приводит к терминологическому разнообразию [3].

Сторонники эпопеи в основном опирались на мнение Г. фон Лукача, который доказывал, что эпический роман является вершиной жанровой иерархии, «главным критерием для создания «большого эпоса»; в связи с этим вставал вопрос о том, «насколько возможно формирование подлинного действия из материала, предоставляемого обществом своему поэту» [4, с. 217]. Советско-венгерский литературовед подошел к мысли, развитой его последователями, в частности Г. Поспеловым и М. Лифшицем, о том, что концепция эпоса и эпического – проблема не столько истории и теории литературы, сколько **идеологии, политики**, в меньшей мере – философии.

Данное замечание представляет для нас особую ценность, мы будем на него опираться при конкретном анализе балашовской книги. Обращение к этому тексту вполне закономерно. Мы ведь изучаем Толстого «Война и мир». Как бы там ни относиться ко Льву Толстому, но в его эпосе показана история народа в 1812 г. А «Святая Русь» – это эпическое повествование (изрядно подпорченное идеологической рефлексией) о событиях, связанных с Куликовской битвой 1380 г. Предваряя конкретный анализ, отметим, что данное произведение насквозь пронизано шовинистическим духом, московская власть, стремящаяся к мега-господству трактуется как однозначно и во всем правая, причем автор культивирует примитивный национализм, государственничество (человек-ничто, государство всё).

Однако при всем идеологическом однообразии «произведения об истории должны были быть внятными и убедительными. Для этого необходимо было подыскать наиболее адекватный жанр. Рассказывая о досоветской и советской истории, желательно было показать, во что превратилось прошлое, каковы его далеко идущие последствия, то есть сделать явной “тайную современность” (М. Пришвин), свойственную историческим жанрам. Но при этом произведения должны были быть еще и занимательными, интересными» [5, с. 42], – отмечает исследователь М. А. Литовская.

В виду действия этой тенденции закономерен (и идеологически и политически детерминирован) и переход писателя к большой эпической форме, к которой Д. М. Балашов, однако, пришел не сразу, но тяготел всегда. В этом проявлялась специфика его художественного мышления. Талант исторического романиста проявился в романе «Марфа-посадница» (1972), охватывающем период с 1470 по 1478 год и посвященном последнему этапу борьбы вольного Новгорода с Московским княжеством.

Опираясь на труды историка В. Л. Янина («Новгородские посадники» [6]), Балашов показал специфику вечевого устройства, создал трагический образ Марфы, пытающейся объединить силы в борьбе с московской тиранией. Однако позже писатель отходит от вольнолюбивых интенций, от пиетета перед индивидуальным героизмом и трагизмом, он отказывается в пользу воспевания коллективизма и мазохизма. В новом художественном подходе уже имплицитно проявляется тяготение автора к эпосе, усилившиеся в следующих произведениях.

Наиболее известный труд Балашова-художника – цикл романов «Государи Московские», включающий книги: «Младший сын» (1975), «Великий стол» (1979), «Бремя власти» (1981), «Симеон Гордый» (1983), «Ветер времени» (1987), «Отречение» (1989), «Похвала Сергию» (1992). Цикл представляет собой историческую хронику, охватывающую период русской истории с 1263 г. (кончина Александра Невского) до финала XIV столетия. «Будучи учёным, фольклористом, знавшим жизнь со стороны, он уже в первых литературных опытах понял шаткость прежних своих впечатлений наезжего человека. Он же хотел войти в Русь XIII века и жить там, как мы живём в нынешнее время. Он представил, как жил смерд шесть веков тому, как жил боярин и князь, и поселился в той атмосфере, какую создало воображение. Нам трудно перепроверить истинность той жизни, но мы отчего-то с охотой верим автору и отдаёмся его воле» [7, с. 8].

В центральных романах цикла («Бремя власти», «Симеон Гордый», «Ветер времени») авторская трактовка проблемы цели и средств расходится как с этической позицией Древней Руси, так и с нравственной традицией русской классики [8]. В этой связи отметим этический парадокс: преступления, совершаемые героями романов ради высшей цели, расцениваются как подвиг, мученичество. Евангельские слова: «Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих» (Ин. 15, 13) **еретически** трактуются Д. М. Балашовым как сознательное обречение души на адские муки ради блага ближних. Последовательно приписывая князьям Ивану Калите, Симеону Гордому и даже митрополиту Алексию мысль, что «погубление» души есть жертва, избавляющая страну от бедствий, романист отходит от воплощения православного сознания. Писатель, эстетствуя, выступает на путь апологии зла и разрушения веры в Христа, за которой следуют нравственная деградация и великодержавный шовинизм, о чем мы детально скажем ниже при анализе проблематики эпоса.

Книга Д. М. Балашова «Святая Русь» (1991–1997), состоит из трех частей («Степной пролог» [9], «Сергий Радонежский» [10], «Вечер столетия» [11]) является своего рода продолжением повествования о государях московских. При этом «Святая Русь» – трилогия достаточно условная. Любая из трех частей может читаться самостоятельно – как и любой роман из московского цикла Балашова. Куликовская битва – некий идейный апогей балашовских идейных концепций, под ее предполагаемым присутствием происходило и расцветилось многое в предыдущих его романах. В стремлении все объять и ничего хроникально не упустить автор скатился в историческую публицистику – пересказ развития истории Средней Азии, Литвы, Византии с перечислениями родни, династий, событий и прочего. Куликовская битва затерялась, написана не блестяще. Образ Дмитрия Донского не раскрыт. Сергей Радонежский окончательно эволюционировал из психологически интересного персонажа в сущего Гэндальфа с прозрениями и предсказаниями. Зачем нужна сцена с его пророчествами, кто там погибнет на поле Куликовом? Для эпоса характерны и самоповтор, и утрата душевного начала описания деревенской жизни.

А если рассматривать произведение с точки зрения жанра, то тут реализуется не романная ситуация, как в произведениях, посвященных прошлому Новгорода и Московии, ситуация эпосейного типа, т. е. «...борьбы за общенациональные интересы, в ходе которой, конечно, проявлялись разные характеры, но суть ее состояла не в анализе отдельных характеров, не в их противопоставлении, хотя таковое намечалось, а в обрисовке и оценке возможностей такого широкого “коллектива”, каким был тогда советский народ в трагико-героические моменты своей национальной истории. Вот почему это произведение по своим жанровым качествам может быть названо эпосом современного типа» [2, с. 165]. Данный тип ситуации эпосейного типа представлен в романе с помощью изображения и попытки геополитического и религиозного осмысления Куликовской битвы, её причин и последствий.

Автор «Святой Руси» не останавливается на уровне логичного и правильного изложения событий. Хотя историческая канва его романов проработана им по-крестьянски основательно и твердо, Д. М. Балашов изначально стремится представить читателю свое видение смысла событий,

их причинно-следственных связей. Такое стремление отличает его от других авторов, пишущих на аналогичные темы. Но сама по себе эпопейная ситуация так или иначе подвигает писателя на осмысление событий с идеологических позиций. Ведь произведения, «...построенные на чистой “идеологии”, мало интересны широким слоям населения. Произведения, построенные на чистых “чувствах” или “приключениях”, были невозможны, поскольку не отвечали идеологическому “заказу”. Нужно было соединить “любовь”, “авантюру” и историю..., а это значит, что жизнь вымышленных героев должна была бы соотноситься с событиями “большой истории”, подчеркивая вовлеченность частных лиц не просто в историю, но и в политику. Это отвечало одной из распространяемых в это время в общественном сознании идей: идее тотального воздействия политики на жизнь каждого отдельного человека» [5, с. 45].

Фабульной основой развернувшегося в трилогию романа является история частных лиц (как великокняжеской семьи, так и простых москвитов – от бояр до смердов, включая яркие приключения пленника-раба Васьки) на фоне переломных для общества событий. Для этого в центр помещаются Дмитрий и Евдокия Московские и как антитеза им – литовский князь Ольгерд, Иулиания Тверская, их сын, польский король Ягайло и его жена Ядвига, а также Кейстут и Витовт с его дочерью Софьей у каждого из которых – своя жизнь, включающая не только влюбленности, бракосочетания, рождение детей и т. п., но и присутствие при (или непосредственное участие в) значительных исторических событиях. Благодаря этому, с одной стороны, наглядными оказываются «социально-классовые» изменения в структуре российского, ордынского и польского-литовского государств, с другой – создается ощущение панорамного взгляда на историю. Широта охвата материала заранее задается автором с целью идеологической оценки.

Первая часть – «Степной пролог» – посвящена Великому князю Владимирскому и князю Московскому Дмитрию Ивановичу (Донскому), его жизни и деятельности в 1375–1380 годы. В ней, пожалуй, впервые в своей эпопее писатель вступает в дискуссию со средневековыми летописями по поводу заслуг князя в объединении русских земель, в борьбе с Золотой Ордой и Литвой. Ссылаясь на мнение «современников», он характеризует Дмитрия Донского как нерешительного, слабовольного, злопамятного и коварного человека. По его мнению, Дмитрий только из-за своей ненависти казнил сына московского тысяцкого Ивана Васильевича Вельяминова, предавшего Великого князя и бежавшего от него в Тверь и Орду.

«Сергий Радонежский» – вторая часть книги Дмитрия Балашова «Святая Русь» – посвящена 1380–1387 гг., связям Московии с Ордой, Великим княжеством Литовским и Польшей. В ней наиболее ярко отражены события, последовавшие за разгромом татарских войск на Куликовом поле – нашествием на Русь и разорением Тохтамышем земель Московского и Рязанского княжеств; о предательской роли в кровавом захвате татарами Москвы князей Суздальских – Василия Кирдяпы и его брата Семена; о Кривской унии и митрополичьей чехарде на Руси; о подвижнической деятельности преподобного Сергия Радонежского, о юношеских годах и взрослении будущего Великого князя Московского и Владимирского Василия I Дмитриевича.

«Вечер столетия» – третья и заключительная часть книги «Святая Русь». Она охватывает период развития Руси с 1387 по 1399 г. В это время произошло несколько исторических событий, нашедших свое отражение в романе: ушли из жизни легендарные Дмитрий Иванович Донской (1389) и игумен Троицкого монастыря Сергий Радонежский (1391/92); произошли два сражения – в 1395 году на реке Терек эмиром Тимуром (Тамерланом) разгромлены войска хана Тохтамыша, а в 1399 г. на реке Ворскле ставленником Тамерлана, ханом Золотой Орды Тимур-Кутлугом, разбиты объединенные войска Великого князя Литовского Витовта и остатки ратей Тохтамыша. Последствия же указанных битв напрямую связаны с судьбой средневековой Руси, ибо они способствовали укреплению Московского государства.

В своей книге писатель размышляет о причинах людской подлости, «предательстве» так называемых удельных князей, о сложном и многотрудном пути так называемого «объединения русской земли» и его удаленных последствий: «И отселе до Дышущего моря, от Камня до Карпат, все то была великая Русская земля, и море Греческое в ту пору звалось уже Русским морем! Вот пределы той, прежней Руси Великой! Дак почто ж мы ныне, пришед в умаление, не мыслим о грядущем величии Руси? Неужто уже ушли русичи из той же Галичины с Вольнюю, из того же Львова, Холма, Перемышля, Владимира и Галича? Или в Киеве уже не русичи сидят, не мати градам русским

Золотой Киев, но обратился заброшенной далекой *украиной* (так со строчной буквы в тексте Д. М. Балашова – *Е. Н.*), как некогда звалось Залесье, пока населяла его дикая мера, да мурома, да мордва. Неужто диким полем стала ныне Золотая Киевская Русь? Да кабы и стала! Не должно ли свято верить, что в грядущем восстанет, объединится вновь, извергнув находчиков, великая наша земля?» [11, с. 88]. Обратим внимание: произведение посвящено XIV столетию.

Он «предупреждает» нас, современников, о бдительности: «Сколь недолог срок в шесть протекших столетий! И днесь мы видим все то же гибельное раздрасие восточного славянства, еще более гибельное, ибо тогдашние православные Галича и Волини еще не стали униатами! Видим все то же прежнее стремление католического Рима подчинить славянский Восток Европы, все ту же Польшу, выдвинутую на передний рубеж борьбы с православием (да и сам нынешний папа – поляк!). Видим все те же старания посорить русичей друг с другом, натравить Украину... или, правильнее, Малороссию, на Россию...» [11, с. 68].

В «Святой Руси» все персонажи четко подразделяются на созидателей новой Московии и ее оппонентов, при этом симпатии автора неизменно оказываются на стороне первых, что сюжетно закреплено в обязательных эпизодах их физических или нравственных итоговых побед. В балашовской книге все «своеволие» героев исчерпывается их частным существованием, но более значим именно общий поток: принимают или нет они те или иные ключевые события эпохи. Положительные герои неизменно в итоге приходят к подчинению своих решений диктату государственно закрепленной доктрины. Автору рассматриваемой эпопеи органически чужда справедливая мысль о том, что деградация русского населения возникла и донныне существует там, где правители брали у Орды ярлык(и) на сбор дани, а где князья подобными вещами не занимались, сформировались вольнолюбивые украинцы; там, где сильные мира сего выкачивали с населения деньги в пользу ордынцев, вышли мазохисты-«великороссы».

В романе фигурируют «враги Руси», по совместительству и враги Православия – Витовт и Тимур, Ольгерд и Ягайло, Римская курия и своенравные новгородцы. Приведем краткий пример: «новгородцы, взявшие себе кормленным князем литвина, Патрикия Наримонтовича, отдались под власть Литвы, а значит, теперь, когда Ягайло крестит литвинов в латынскую веру, – под власть католического Запада!» [10, с. 343].

У Балашова Литва и Польша, подстрекаемые францисканским орденом, встают в оппозицию православной Руси и разрабатывают планы по обращению её в католицизм. Более того, в романе речь идет о том, как католические послы вели активную работу в Орде и сама Куликовская битва была своего рода противодействием планам Ватиканской курии по латинизации Руси. С этой целью и заключен брак (при активном содействии польских магнатов, а вернее, стоявших за ними «кукловодов в сутанах») Ягайлы и Ядвиги («А Ядвига што? ... Кто надоумил с Ягайлой ее свести? Похоже, святые отцы! Боле некому... Ихняя печаль – православных в латынскую веру перегнуть, об ином не мыслят. Дениса, вишь, держат в Киеве, в нягты, греков неволят унию принять... А не выстоит православная церковь, и Руси в одночасье пропасть!» [10, с. 353]. То есть беллетрист специально проецирует на описываемую эпоху модные в 1990-е годы конспирологические теории. Мы наблюдаем тут совпадение имагологического и идеологического дискурсов. Подробно проанализировать образы иных, чужих (в данном случае – литвинов и поляков) в этой статье у нас нет возможности. Все они представлены **нарочито карикатурно и негативно**.

Со временем тенденциозность писателя становится угрюмой. Отметим и то, что Балашов-публицист, отбросивший художественность в первом романе трилогии, в третьей книге как с цепи сорвался. Как и древние мифы, имперские концепты способствуют раскрытию идейного замысла многих произведений, написанных в «немифологический» XX в. Но роль их в балашовской эпопее, по сравнению с мифологическим фольклором, гораздо шире. Его объемные рассуждения о мифотворчестве образов Матросова и Космодемьянской, массонах и Ленине, неизбежности монархического строя для России не слишком оригинальны, а порой – чего уж там – очень близки к тому, что называется «черносотенство». И это, к сожалению, закономерно: беллетрист не мыслитель уровня Льва Гумилева или хотя бы Льва Толстого; а переложение стилистики шовинистического (ранее считавшегося «почвенническим») журнала «Наш современник» так сильно портит трилогию. Эволюционирует и образ автора, в котором видится уже не пылкий сторонник свободы и христианских ценностей (как в ранней новгородской прозе), не мудрый летописец (как в романах о московских

князях), а яростный пропагандист – идеолог национального шовинизма. Приведем краткий фрагмент: «рубеж, отделяющий Польшу от Руси Великой, – это не просто рубеж двух государств, а нечто большее: рубеж Руси и Запада, православия и католичества, рубеж разных вер и совсем разного, несоединимого воедино наваячая жизни» [11, с. 200].

Тяга к масштабности как символу государственного величия, характерная для времени, делает образцом для подражания «Войну и мир», роман, в котором «мысль народная» (в данном случае государственная) провозглашалась бы как в «чистом» виде, так и через «мысль семейную». Это произведение обладает рядом свойств как потенциальный «государственный» роман. Как отмечал сам писатель в одном из интервью, все роднит его героев (князей, иноков, смердов) между собой, – «высшая степень способности к **соборному деянию**, к сверхусилию мучительно вызревавшего веками национального самосознания, – одновременно и отличает их от современных людей, у которых эти черты в силу ряда причин оказались ослабленными, стертыми, но не исчезли» (выделено мною – *Е. Н.*) [12, с. 289]. И данная установка на коллективизм приводит к формированию эпического жанра; к тому, что образы становятся картонными. Претензии автора на лавры графа Л. Н. Толстого и других создателей эпосов не оправдываются. Между тем анализируемая трилогия солидна по размеру, изначально жанрово разнородна (можно встретить отзвуки агиологии, семейно-бытового романа и т. д.), достаточно гибка, чтобы вмещать любые исторические концепции (пусть надуманные и вульгарные), наконец, допускает вариативность интересов читателя: кому-то интересно про любовь и быт, кому-то – про исторические события, а кому – еще раз помифологизировать, ностальгируя по поводу никогда не существовавшей «святой Руси».

Последняя тенденция у Д. М. Балашова доходит такой степени, что, повествуя о таврическом путешествии русских послов во времена короля Ягайлы, он заклеил Н. С. Хрущёва не за внешне-политические авантюры, а за передачу Крыма Украине. А вот как писатель отзывается о нашей нации и державе: «Крым – незаживающая боль России... Когда властолюбивый кукурузник, невежда и самодур, подарил (не имея на то никаких прав!) Крым Украине, уже тогда слагавшемуся буферному государству, искусственно составленному из униатского Закарпатья, собственно Украины и отвоеванной у турок Новороссии, то вряд ли понимал, чью волю выполняет он, какова цена его “дарения” и какие катастрофы воспоследуют оттого в грядущем, катастрофы, перед которыми даже гибель Черноморского флота покажется детской забавой» [11, с. 477]. Из этого примера вытекает, что он не был безупречным знатоком этнологии (хотя и многократно, в т. ч. и самом романе, заявлял о приверженности взглядам Л. Н. Гумилёва), иначе признал бы, что история Московской Руси закончилась в 1917 г. А образовавшиеся на развалинах империи советские республики – уже совсем новые этнические образования, болезненно вступившие в постсоветский период.

Приведенные цитаты показывают лишь одно: оскудение творческого мышления у писателя в его финальном романе, своеобразное «скатывание» Д. М. Балашова на уровень массовых агиток, подобно и иному ультраправому патриоту Илье Глазунову, с уровня тонкой живописи на уровень плаката. Особенно контрастно данная тенденция выглядит по сравнению с ранними романами Дмитрия Балашова, для которых характерны вера в человека и воспевание свободы, а не преклонение перед деспотической государственностью, яркие и противоречивые характеры, а не картонные образы как положительных, так и отрицательных героев, позитивная оценка борьбы за волю, а не мазохистски-холоуйское преклонение перед сильной властью с холопскими ей же реверансами.

Мировоззренческая и психологическая установки, как известно, модифицируют и поэтику. Выше мы уже отмечали, что идеология и политика весьма часто накладывают отпечаток на художественное творчество. «Святая Русь» – один из подобных прецедентных примеров: отход писателя от индивидуализма к коллективизму способствовал не только его переходу от романа к эпосе, но и изменению стратегии в осмыслении истории: если в ранних своих творениях Балашов смотрел на минувшее как бы из окна, старательно пытаясь рассмотреть и отобразить детали как в психологии, так и в быту. Он создавал оригинальные историософские концепции, находя для них привлекательные способы художественного воплощения. Теперь же автор смотрит с колокольни современности, вгоня материал в прокрустово ложе евразийских и постимперских схем. История из объекта эстетического и нравственного постижения трансформируется в «политику, обращенную в прошлое». Беллетрист активно внедряет в сознание своих адептов почвеннические и **евразийские** доктрины; для последних характерно нивелирование разницы между исламом и православием,

презрение к католицизму, пренебрежение к человеку как таковому, возвеличивание государства, становящегося самоцелью, а не средством. При наблюдении за балашовским текстом становится ясно, из какой «духовно-нравственной» клоаки получился современный рашизм.

Выводы и перспективы дальнейшего исследования. Автор, опираясь на интерес к прошлому, благоговение пред предками, тоску по национальным истокам (то есть всему тому, что, с точки зрения А. Я. Эсалнек, составляет психологические предпосылки для возникновения эпопеи), в очередной раз (после «Государей Московских») внедряет в сознание читателей программу сомнительного этического и религиозного содержания. А сами сцены романа и образы героев становятся лишь подкладкой для проведения агитации. Писатель пытается поучать своих читателей с рвением гуру из тоталитарной секты. Очевидна установка автора на интересы массового читателя, но без «пустой» занимательности массовой литературы; отсюда и те многочисленные публицистические отступления идеологического характера, приторные по стилю и исполнению. Проведенный в статье анализ показывает, что роман Д. М. Балашова «Святая Русь» – произведение многогранное, хотя и относящееся к массовой литературе. Подходы к его интерпретации и анализу могут быть различными: от классических для изучения исторической прозы, то есть соотношения фактов и вымысла, стиля, жанра, композиции, роли традиционных мифологем, своеобразия образного строя, путей творческой эволюции и специфики мировоззрения писателя, до подходов, апробация которых в литературоведении осуществляется не так давно: имагологические аспекты, постижение дихотомии «индивидуальное-коллективное», а также вовлечение балашовского романа в междисциплинарные дискурсы. Последний аспект ввиду чрезмерности идеологического фактора представляет особый интерес и большие перспективы. Эпопею можно рассматривать как выражение политических и социальных настроений, господствующих в российском обществе конца XX в. и начала нового тысячелетия, в том числе и в его правоконсервативной квазиинтеллигенции и радикальном постпролетариате. При изучении этих моментов «Святая Русь» может быть интересна не только литературоведам, но и историкам, политологам, культурологам и специалистам по проблемам национальной безопасности.

Источники и литература

1. Бахтин М. М. Исследования разных лет / М. М. Бахтин. – М. : Худ. лит., 1975. – 504 с.
2. Эсалнек А. Я. Основы литературоведения. Анализ романного текста : учеб. пособие / А. Я. Эсалнек. – М. : Флинта: Наука, 2004 – 179 с.
3. Фоминых Т. Н. Первая мировая война в русской прозе 1920–1930-х гг. : историософия и поэтика : учеб. пособие / Т. Н. Фоминых. – Пермь : Пермский гос. пед. ун-т, 2001. – 174 с.
4. Лукач Г. Проблемы теории романа (доклад) / Георгфон Лукач // Литературный критик. – 1936. – № 2. – С. 201–232.
5. Литовская М. А. Аристократия в демократические времена: «Хождение по мукам» А. Толстого и «Унесенные ветром» М. Митчелл как «народные романы» / М. А. Литовская // Новое литературное обозрение. – М., 2002. – 2002. – № 57 (5). – С. 41–53.
6. Янин В. Л. Новгородские посадники / В. Л. Янин. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1962. – 387 с.
7. Личутин В. В. Бремя желаний / В. В. Личутин // Балашов Д. М. Младший сын. – М. : Совмест. рос.-канад. предприятие «Лексика», 1993 – 603 с.
8. Меркушов С. Ф. Серия романов Д. М. Балашова «Государи московские» как цикл : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.01.01 [Место защиты : Твер. гос. ун-т] / С. Ф. Меркушов. – Тверь, 2008. – 17 с.
9. Балашов Д. М. Святая Русь: трилогия. – Кн. 1 : Степной пролог / Д. М. Балашов. – М. : АСТ, 2010. – 443 с.
10. Балашов Д. М. Святая Русь : трилогия. – Кн. 2 : Сергей Радонежский : истор. роман / Д. М. Балашов. – М. : АСТ, 2011. – 509 с.
11. Балашов Д. М. Святая Русь : трилогия. – Кн. 3. : Вечер столетия : истор. роман / Д. М. Балашов. – М. : АСТ, 2010. – 568 с.
12. Балашов Д. М. Похвала Сергию : исторический роман о Сергии Радонежском / Д. М. Балашов. – М. : Междунар. центр отраслевой информатики Госатомнадзора России, 1997 – 296 с.

Євгеній Нікольський. Роман-епопея Дмитра Балашова «Свята Русь»: девальвація художності під впливом ідеології. Роман Дмитра Балашова «Свята Русь» проаналізовано в контексті біографії письменника, із погляду панування ідеологічної складової (грунтянство, шовінізм та євразійство), її явного превалювання над художністю. Відзначено, що автор пройшов шлях від «співця волі» до «адепта» авторитарного ладу. Ця інтенція трансформувала поетику його романів, спричинила перехід від власне історичної прози до невдалої

спроби створити епопею. Зроблено висновки про перспективу вивчення історичних творів обраного автора крізь методологічну призму міждисциплінарного синтезу.

Ключові слова: роман-епопея, історична проза, роман, жанрознавство, Дм. М. Балашов, міфологема «святої Русі», факти й вигадки, імагологія, шовінізм, ґрунтянство, рашизм, художність.

Yevgeniy Nikolskiy. Epic Novel by Dmitry Balashova «The holy Russia»: the Devaluation of Artistry Under the Influence of Ideology. Novel by Dmitry Balashov «The holy Russia» is analyzed in the context of the biography of the writer, from the point of view of ideological domination (painiketta, chauvinism and eurasianism) component, its obvious precedence over artistry. It is noted that the author went from «singer the freedom» to «praise» authoritarian regime. This intention has transformed the poetry of his novels and contributed to the transition from a strictly historical prose to unsuccessful attempts to create an epic. In the final conclusions about the future of the study of historical works of the chosen author in the methodology of interdisciplinary synthesis.

Key words: the epic novel, historical fiction, romance, genre studies, Dmitry Balashov, mythologeme «Holy Russia», facts and fictions, imagoology, chauvinism, painiketta, rashism, artistry.

Стаття поступила в редколлегию
12.10.2015 г.

УДК 821.161.2.09 СТУС В.

Інна Онікієнко

Самототожність Василя Стуса

У статті розглядається самототожність В. Стуса як універсальне поєднання національного, загальнолюдського й духовного. Визначається роль поетичної філософії «самособоюнаповнення» у співтворенні духовного життя нації й залученні українського поета до практик духовного пересотворення людства. Проаналізовано змістові складники «самособоюнаповнення»: самовідданий індивідуалізм, «естетика страждання», філософський мазохізм. Із «самособоюнаповненням» як індивідуально-авторським законом творчості В. Стуса пов'язуються стильово-художні пошуки збірок «Час творчості» й «Палімпсести».

Ключові слова: самототожність, «самособоюнаповнення», національне-загальнолюдське-духовне, індивідуалізм, «естетика страждання», філософський мазохізм.

Постановка наукової проблеми та її значення. Самототожність письменника як методологічне поняття 1999 року обґрунтував авторський колектив Київського інституту літератури ім. Т. Шевченка, зазначивши «спорідненість цієї методики з біографічним методом» [8, с. 4]. Сучасність гостро актуалізувала питання про індивідуально-авторське начало творчості. Ідеться також про трагізм покоління шістдесятників, про міф їх мучеництва. Особливо уразливий він на фоні біографії й творчості В. Стуса, чия самототожність не знає аналогів, можливо, навіть і у світовій літературі ХХ ст. Тому так важливо підкреслити проблему цілості «життєтворчості» митця, суголосся в ній слова та діла. Стусова біографія особливо сприяє витворенню національної філософії, оскільки в ній найкраще збалансовано особисте й суспільне.

Аналіз досліджень цієї проблеми. Самототожність письменника як національно-екзистенціальна методологія знайшла актуалізацію в спільній монографії авторського колективу Київського інституту літератури ім. Т. Шевченка [8]. Національну літературу як вид мистецтва розглядав В. Державин [1]. Л. Мороз наголошує на співвідношенні такої основоположної риси української літератури, як *універсалізм* (національне – загальнолюдське – духовне) із творчою індивідуальністю письменника [4]. Г. Райбедюк з'ясувала національну самототожність українських неокласиків [7]. Л. Гарнашинська обґрунтувала естетично-філософські підвалини творчості шістдесятників, а також аксіологічну модель «бути / здаватися» як духовне поле саморепрезентації цього покоління [12]. Д. Стус пропонує для відчитання головних образних кодів творчості В. Стуса застосовувати поняття «життєтворчість» [11, с. 63]. М. Коцюбинська розглядає Стусове «самособоюнаповнення» в трьох духовних вимірах: по-перше, як *alter ego* поезії митця, «її передумова й мета, виправдання її існування і неминуща суть» [3, с. 153];